

В.В. Шапошникова

Собакевич

Собакевич Михаил Семенович — персонаж поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», помещик на пятом десятке, видом и повадками весьма похожий на «средней величины медведя». С медведем ассоциируется его имя (фрак на нем был тоже «совершенно медвежьего цвета»), привычка беспрестанно наступать на чужие ноги (он и «сам чувствовал за собою этот грех»), постройки, крепкая и неуклюжая мебель; известно, что отец его один на медведя хаживал, да и Собакевич здоровьем не обижен — «ни разу не был болен».

И в дальнейшем Гоголь подчеркивает сходство Собакевича с медведем. Собакевич усадил Чичикова «в кресла с некоторою даже ловкостию, как такой медведь, который уже побывал в руках, умеет и перевертываться и делать разные штуки на вопросы: “А покажи, Миша, как бабы парятся” или: “А как, Миша, малые ребята горох крадут?”» «Родился ли ты уж так медведем, или омедведила тебя захолустная жизнь... и ты... сделался то, что называют человек-кулак? Но нет: я думаю, ты все был бы тот же, хотя бы даже воспитали тебя по моде, пустили бы в ход и жил бы ты в Петербурге, а не в захолустье. <...> Да вот теперь у тебя под властью мужики: ты с ними в ладу и, конечно, их не обидишь, потому что они твои, тебе же будет хуже; а тогда бы у тебя были чиновники, которых бы ты сильно пощелкивал, смекнувши, что они не твои же крепостные, или грабил бы ты казну! Нет, кто уж кулак, тому не разогнуться в ладонь! А разогни кулаку один или два пальца, выдет еще хуже. Попробуй он слегка верхушек какой-нибудь науки, даст он знать потом, занявши место повиднее, всем тем, которые в самом деле узнали какую-нибудь науку. Да еще, пожалуй, скажет потом: «Дай-ка себя покажу!» Да такое выдумает мудрое постановление, что многим придется солоно...»

Цвет лица Собакевич «имел каленый, горячий, какой бывает на медном пятак». Природа недолго мудрила над лицом Собакевича и употребляла все крупный инструмент: «хватила топором раз — вышел нос,хватила в другой — вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свет, сказавши: “Живет!”» Когда Чичиков увидел Собакевича из окна, лицо его напомнило ему тыкву, в контраст с лицом супруги, похожим на огурец. Из-за медвежьей неповоротливости шеи он при разговоре не глядел на собеседника, но всегда или на угол печки, или на дверь. Сапог у него был такого исполинского размера, что для него трудно было найти ногу.

На картинах в его гостиной были гравированы греческие полководцы в полный рост, «с такими толстыми ляжками и неслыханнми усами, что дрожь проходила по телу». Между ними, «неизвестно каким образом и для чего, поместился Багратион, тощий, худенький, с маленькими знаменами и пушками внизу и в самых узеньких рамках». Далее следовала греческая героиня Бобелина с крепкими и пышными формами, у которой «одна нога казалась больше всего туловища тех щеголей, которые наполняют нынешние гостиные». Возле Бобелины висела клетка с дроздом темного цвета с белыми крапинками, очень похожим на Собакевича. «...Все было прочно, неуклюже в высочайшей степени и имело какое-то странное сходство с самим хозяином дома; в углу гостиной стояло пузатое ореховое бюро на пренелепых четырех ногах, совершенный медведь. Стол, кресла, стулья... каждый предмет... казалось, говорил: «И я тоже Собакевич!» или: «И я тоже очень похож на Собакевича!»

Деревня Собакевича довольно велика: два леса, березовый и сосновый, располагались справа и слева от нее. Посредине виднелся деревянный дом с мезонином, вроде тех, как строят «для военных поселений и немецких колонистов». На одной стороне все окна

были заколочены хозяином — из удобства, но одно маленькое было проверчено, вероятно, для темного чулана. Из четырех колонн на фасаде одну хозяин выкинул. Дом был окружен крепкой и неимоверно толстой деревянной решеткой — «помещик, казалось, хлопотал много о прочности». Конюшни, сараи и кухни были построены из полновесных и толстых бревен, рассчитанных «на вековое стояние», деревенские избы мужиков тоже были срублены на диво: все было пригнано плотно и как следует, хотя не видно было «резных узоров и прочих затей». Колодец был обделан дубом, идущим на мельницы и корабли.

Хозяева не спешили начать разговор, молчание для Чичикова становилось тягостным, и он сам его прервал.

Суждения Собакевича о людях резки и неуклюжи: председатель палаты — «дурак, какого свет не производил», губернатор — «первый разбойник в мире», таков же и вице-губернатор, помощник прокурора — «первый хапуга в мире». Полицеймейстер — «мошенник <...>, продаст, обманет, еще и пообедает с вами! Я их знаю всех: это всё мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все хриstopродавцы. Один там только и есть порядочный человек — прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья».

Едят у Собакевича обстоятельно — в гостиной выпили по рюмке водки, закусив соленостями и иными «возбуждающими благодатями», затем подались в столовую. Однако щи и няня (бараний желудок, начиненный гречневой кашей, мозгом и ножками) служат для Собакевича поводом обругать приготовление пищи в городе («там вам черт знает что подадут!»), кота вместо зайца, например). «Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на что устрица похожа <...> Это бараний бок с кашей! Это не те фрикасе, что делаются на барских кухнях из баранины, какая суток по четыре на рынке валяется! Это все выдумали доктора немцы да французы, я бы их перевешал за это! Выдумали диету, лечить голодом! Что у них немецкая жидкостная натура, так они воображают, что и с русским желудком сладят! <...> Толкуют: просвещение, просвещение, а это просвещение — фук! Сказал бы и другое слово, да вот только что за столом неприлично. У меня не так. У меня когда свинина — всю свинью давай на стол, баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся!»

За обедом он и поступил соответственно — съел половину бараньего бока, обгрыз, обсосал до последней косточки. Затем последовали ватрушки величиной с тарелку, индюк ростом с теленка, набитый «всяким добром: яйцами, рисом, печенками и невесть чем, что все ложилось комом в желудке». После обеда в гостиной оказалось еще варенье на блюдечках, «ни груша, ни слива, ни иная ягода», а «редька, варенная в меду». Хозяин мог только лежать в креслах и побряхтывать, крестясь и закрывая рот рукою.

Так же поступит он и на завтраке у полицеймейстера по случаю покупки Чичиковым крестьян: Собакевич издали наметил осетра и, оставив без внимания все мелочи — икру, семгу, сыр, пристроился к осетру и в четверть часа «доехал его всего», так что хозяину не удалось поразить гостей этим «произведением природы». Собакевич же «пришипился так, как будто и не он, и... тыкал вилкой в какую-то сушеную маленькую рыбку». После обеда он мог только сидеть в креслах, и разошедшийся Чичиков зря тратил на него красноречие — Собакевич только хлопал глазами.

Пространную речь Чичикова касательно перевода мертвых душ на его имя Собакевич слушал молча, наклонив голову, совершенно без выражения на лице, а потом спросил очень просто: «Вам нужно мертвых душ?» — и изъявил желание продать их по сто рублей «за штуку», в то время как Чичиков намеревался дать «красную цену» — «восемь гривен».

Во время затянувшейся торговли Собакевич нахваливает свой товар — у других «дрянь, а не души, а у меня что ядреный орех» — каретник Михеев, делавший рессорные экипажи; плотник Степан Пробка, силищи неимоверной и трезвости примерной; кирпичник Милушкин, ставивший печь в каком угодно доме; сапожник Максим Телятников,

который «что шилом кольнет, то и сапоги... и хоть бы в рот хмельного»; Еремей Сорокоплексин, приносивший оброку по пятьсот рублей.

Собакевич видит одно: «товар» Чичикову нужен, и поэтому неохотно снижает цену до 75, 50, 30 рублей, за что Чичиков про себя обозвал его «кулаком». В ответ на угрозу Чичикова отказаться от сделки и купить товар в другом месте Собакевич намекает на возможность разглашения его подозрительных деяний, за что испугавшийся предприниматель наградил его в мыслях словечком «подлец», но внешне продолжал хладнокровно держаться. Собакевич, не желая упустить возможность сделки, снова усадил гостя и предложил 25 рублей, но, получив отказ, в конце концов согласился на два с полтиной из «нрава собачьего» — доставить удовольствие ближнему. При объяснении чиновникам поступка Чичикова именно Собакевич придумал удобную версию о том, что он продал крестьян живыми, но при переселении бывает всякое, они могли и умереть.

Он сам аккуратно и точно составил список крестьян с указанием похвальных качеств каждого, отца и матери, с обозначением их поведения. После этого он потребовал задаток и с неохотой составил расписку, придерживая в это время деньги пальцем левой руки и сделав потом замечание, что «бумажка-то старенькая». Чичиков отказался от «женского пола», но впоследствии оказалось, что Собакевич ввернул-таки в список Елизавету Воробей, написав это имя как «Елизаветъ», то есть как бы переведя ее в мужской пол. Потом Чичиков упрекнет Собакевича за обман, парируя его вопрос о цене души у Плюшкина, на что Собакевич лишь отойдет к гостям (дело происходило на завтраке у полицеймейстера).

Недоверчивость, подозрительность и плутовство видны и в конце визита Чичикова — Собакевич высматривал, куда поедет Чичиков.

В присутствии, при оформлении купчей крепости, Собакевич держит слово, данное Чичикову, сохраняет сделку в тайне: лицо его «не шевельнулось», когда Чичиков расписывал свое имение перед председателем палаты. Собакевич, в свою очередь, сочинил на ходу, что каретник Михеев жив, а умер его брат; все проданные живы, продал он их якобы потому, что «нашла дурь». Характерно, однако, что Чичиков больше всего при этом опасается именно Собакевича.